

REFERENCES

1. Ronge, Max (1992), *Razvedka i kontrrazvedka* [Intelligence and counterintelligence], Sinto, Kyiv, Ukraine.
2. Bernadskiy, B. (2009), "Activity of Austro-Hungarian and German intelligence in the territory of Ukraine on the eve of World War I", *Aktualni problemy vitchyznyanoyi ta vsesvitnoyi istoriyi: Zbirnyk naukovykh prats. Naukovi zapysky Rivnenskoho derzhavnoho humanitarnoho universytetu*, issue 15, pp. 205-211.
3. "The Central State Historical Archives of Ukraine in Kiev", fund 442, description 842, file 79a.
4. "The Central State Historical Archives of Ukraine in Kiev", fund 274, description 1, file 333, part I.
5. Novitskiy, V.D. (1991), *Iz vospominaniy zhandarma* [From the memoirs of gendarme], Moscow state university, Moscow, Russia.
6. "The Central State Historical Archives of Ukraine in Kiev", fund 301, description 1, file 256.
7. Dobryakov, V.I. (1903), *Kratkiy sistemacheskyy svod deystvuyushchyykh zakonopolozheniy i tsirkulyarnyykh rasporyazheniy, otnosyashchikhsya do obyazannostey chinov gubernskikh zhandarmskikh upravleniy po nablyudeniyu za mestnym naseleniem i po proizvodstvu doznaniy* [Brief systematic code of current regulations and circular orders related to duties of officials of provincial gendarme departments on local population supervision and performance of inquiries], Tipografiya Shtaba otdelnogo korpusa zhandarmov, Saint Petersburg, Russia.
8. "The Central State Historical Archives of Ukraine in Kiev", fund 1598, description 1, file 18.
9. "The Central State Historical Archives of Ukraine in Kiev", fund 315, description 1, file 55.
10. "The Central State Historical Archives of Ukraine in Kiev", fund 442, description 837, file 180.
11. "The Central State Historical Archives of Ukraine in Kiev", file 316.
12. Zvonarev, K.K. (2005), *Ahenturnaya razvedka. Russkaya ahenturnaya razvedka vsekh vidov do i vo vremena voyny 1914-1918 hh. Germanskaya ahenturnaya razvedka do i vo vremena voyny 1914-1918 hh.* [Human intelligence. Russian human intelligence of all kinds before and in time of war 1914-1918. German human intelligence before and in time of war 1914-1918], Izdatelskiy dom «Knyahinya Olga», Kyiv, Ukraine.

УДК 340: 614: 34.03

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОСТМОРТАЛЬНОЙ РЕПРОДУКЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ

Варданян Л.Г., к.ю.н., ст. следователь по особо важным делам

Следственный комитет Республики Армения, г. Ереван, Республика Армения
lucyrossetti@rambler.ru

Статья посвящена проблеме постмортальной репродукции. Отмечается отсутствие норм, регулирующих данную сферу, что не может обеспечить защиту прав и свобод человека при возможном использовании биомедицинских технологий для данной цели. Указывается на

необходимость устранения данного пробела путем внесения в закон предлагаемых в статье изменений.

Ключевые слова: *постмортальная репродукция, донор, эмбрион, завещание, биоматериал, вспомогательные репродуктивные технологии.*

СУЧАСНІ ПРОБЛЕМИ ПОСТМОРТАЛЬНОЇ РЕПРОДУКЦІЇ В РЕСПУБЛІЦІ ВІРМЕНІЯ

Варданян Л.Г.

*Слідчий комітет Республіки Вірменія, м. Єреван, Республіка Вірменія
lucyrossetti@rambler.ru*

Статтю присвячено проблемі постмортальної репродукції. Відзначається відсутність норм, які регулюють цю сферу, що не може забезпечити захист прав і свобод людини при можливому використанні біомедичних технологій для зазначеної мети. Указується на необхідність усунення цієї прогалини шляхом унесення в закон пропонованих у статті змін.

Ключові слова: *постмортальна репродукція, донор, ембріон, заповіт, біоматеріал, допоміжні репродуктивні технології.*

CURRENT PROBLEMS OF POSTMORTEM REPRODUCTION IN REPUBLIC OF ARMENIA

Vardanian L.H.

*Investigative Committee of the Republic of Armenia, Yerevan, Republic of Armenia
lucyrossetti@rambler.ru*

Implementation of human postmortem reproductive rights became possible due to the application of new biotechnologies. New sphere of social relations in the Republic of Armenia practically is not regulated, meanwhile it related with the fundamental human rights and freedoms.

In the legal aspect the problem solving needs for establishment of legal status of genetic material. A person should have the opportunity to give his consent to his genetic material use both inter vivos and post mortem, to solve on his own the question of realization of his reproductive rights. Thus, the establishment of legal status of genetic material as limitedly transferable thing is considered to be more correctly; it would give the subject the right of ownership of this material and provide a personal autonomy in questions of its disposal.

In every case of postmortem reproduction reveals the necessity to establish true intention of the person provided genetic material. In author's judgment, only genetic material provided inter vivos can be bequeathed. Inadequate legal regulation of this sphere can lead to demand expansion on surrogacy, increase the number of children in one-parent families and enhance the state financial load. That is why the government has to determine concrete situations, when the realization of postmortem reproduction would be justifiable, including its well-defined measures and realization requirements.

Many esthetic, legal and social questions can be avoided if implementability of postmortem reproduction would be connected exactly with the recipient. Since the reproduction solutions are personalized, it is highly important for decedent to know who will realize this right. Thus, a receiving party receives a special importance. At the same time it must have a right to use genetic material only for providing future generations. Moreover, its transfer in some manner to alius or use for other purposes must be forbidden by law.

The only correct decision considered by author is a norm foresight, according to which the postmortem reproduction biological testament can be executed if before or after its making, before the death case, the marriage has been solemnized in accordance with the statutory procedure of RA and a spouse expressed a desire for becoming a biological parent and undertaking care and rearing of a child.

Key words: *postmortem reproduction, donor, embryo, testament, biomaterial, assisted reproductive technologies.*

Внедрением новых биомедицинских технологий в жизнь стало возможным осуществление репродуктивных прав человека post mortem. Постмортальная репродукция, которая до этого момента рассматривалась лишь как рождение ребенка после смерти одного из родителей, теперь включает в себя также его зачатие после смерти родителя (родителей) из заранее взятого у него (них) генного материала. Рассматриваемая сфера общественных отношений в Республике Армения (далее – РА) практически не урегулирована. Образовавшийся правовой вакуум действует по сей день, несмотря на то что вспомогательные репродуктивные технологии доступны армянскому потребителю уже начиная с 2003 года. Между тем, сфера соприкасается в основными правами и свободами человека и требует должного внимания.

Исследование проблемы постмортальной репродукции в РА проводится впервые. Проблема на практике актуализирована в связи с предложением ряда депутатов Народного собрания РА о создании банка спермы военнослужащих. Само предложение до того как получить форму законопроекта, требует должного обоснования, прежде всего, именно с биоэтической точки зрения, ибо затрагивает многочисленные биоэтические дилеммы, среди которых – вопросы получения информированного согласия на забор генного материала, на зачатие ребенка, проблемы конфиденциальности и т.д.

Данный вопрос можно отнести к малоработанным: на уровне статьи он был исследован в работах Г. Аникиной, Ф. Дахно, А. Куценко, Л. Смагиной и других ученых. Высоко оценивая исследования указанных авторов в разработке темы, тем не менее, можем констатировать, что уровень ее разработанности нельзя считать удовлетворительным.

Целью статьи является выявление правовых проблем, которые могут возникнуть при реализации постмортальной репродукции, и предложение их возможных законодательных решений.

Говоря о методе искусственного оплодотворения, Ж. Судо отмечал, что «этот метод, при всей его привлекательности, с его азартом технического и гуманитарного успеха, явился, судя по последствиям, настоящим «троянским конем», который подготовил общественное мнение к принятию самых крайних видов искусственного размножения человека» [1]. И хотя при реализации права на репродукцию *post mortem* используются те же методы искусственного оплодотворения, что и в любом другом случае, тем не менее, такая репродукция – крайний вид искусственного размножения, так как помогает реализовать репродуктивные права уже несуществующего субъекта.

Закон РА «О репродуктивном здоровье и репродуктивных правах человека» (ст.2) определяет вспомогательные репродуктивные технологии как медицинские технологии, которые применяются для решения задачи бесплодия. В случае постмортальной репродукции речь не идет о преодолении бесплодия. Поэтому можно предположить, что применение репродуктивной технологии в данном случае выходит за рамки указанной нормы, хотя и прямого законодательного запрета не существует. Положительное решение вопроса, таким образом, предполагает расширение сферы применения репродуктивных технологий, что сам по себе является одной из биоэтических проблем современности, так как при массовости угрожает превратить рождение детей в «производство».

Согласно ст. 7 Закона РА о репродуктивном здоровье, «лица мужского и женского пола, достигшие установленного законодательством РА брачного возраста, имеют право в целях репродукции предоставить свою сперму или яйцеклетку в соответствующие учреждения здравоохранения. Государство гарантирует своим гражданам хранение предоставленных гражданами спермы и эмбриона в случае риска потери способности репродукции (осуществление профессиональной деятельности, сопряженное с опасностью для здоровья, совершение военных обязанностей, а также другие медико-социальные показания) или в ситуациях, угрожающих их жизни». Из анализа данной нормы можно заключить, что речь идет о потере способности к репродукции, когда сам носитель биологического материала все же жив. Поэтому данная норма также не нацелена на регулирование сферы постмортальной репродукции. Действующий закон также не отвечает на вопрос: что будет с криоконсервированным генным материалом, если после дачи его на хранение человек умрет? Имеет ли в таком случае кто-либо из окружения умершего право потребовать генный материал или использовать его для рождения ребенка?

Проблема забора генного материала зачастую рассматривается в контексте проблем трансплантации и донорства, однако это совершенно различные сферы как в этико-правовом, так и в практическом плане, и их раздельное рассмотрение необходимо. Разницу указанных сфер регулирования прекрасно подчеркивает Дж.Б. Уайт: «Донорский орган сохраняет жизнь, а донорская сперма создает жизнь» [2]. Однако указанные сферы совпадают в одном

аспекте: в обоих случаях первостепенной правовой проблемой является установление правового статуса донорского биоматериала с позиции гражданского законодательства. Отсутствие правового статуса генного материала лежит и основе тех судебных прецедентов, которые пытаются решить в зарубежной практике. Так, в 1992 г. в штате Калифорния слушалось дело о наследстве Вильяма Канэ, известное как «дело Хэтч». Суть его в том, что Вильям Канэ написал в своем завещании, что его генный материал (сперма), помещенный в специальное хранилище, должен быть после его смерти передан его близкой знакомой Хэтч. Его воля была выражена также в письме на имя его детей, в котором он подтвердил свое желание. Вскоре после его смерти Хэтч потребовала от хранилища выполнить завещание и передать ей генный материал. Однако лечебное учреждение отказалось это сделать, кроме того, дети покойного возражали против этого. Основной вопрос, который стоял перед судом, был в том, включается ли генный материал в состав наследуемого имущества или нет? Если включается, то необходимо выполнить завещание. Суд первой инстанции установил необходимость уничтожения спермы умершего и указал, что суд может утвердить завещание только в отношении собственности покойного, отказавшись тем самым признать отдельные части тела умершего объектами права собственности. Апелляционный суд установил, что, поскольку покойный сдал свой генный материал в банк-хранилище, это свидетельствует о том, что он осуществлял права пользования. Составление завещания суд квалифицировал как реализацию права распоряжения, так как покойный не утратил интереса к объекту (предмету). Суд также отметил, что такой объект подпадает под широкое определение собственности как объекта наследственных прав и, соответственно, утвердил завещание [3]. Таким образом, можно констатировать, что разработку норм, регулирующих сферу постмортальной репродукции, следует начать с законодательного определения правового статуса генного материала.

Лицо должно иметь возможность выражения недвусмысленного согласия на использование своего генетического материала как при жизни, так и после смерти, самостоятельного решения вопроса о реализации или нереализации своих репродуктивных прав, даже если эти права переживают самого субъекта. Следует согласиться с Л. Смагиной указывающей, что «стремление человека оставить после себя потомство определено самой природой, и это стремление вполне можно понять, пусть даже оно будет воплощено в такой нелепой, казалось бы, форме, как замороженный путем криоконсервации генный материал, оставленный в наследство» [4]. Вместе с тем, исходя из специфичности самого генного материала, правильнее будет установление для него правового статуса ограниченно оборотоспособной вещи, что, с одной стороны, даст субъекту право собственности на этот материал и обеспечит личную автономию в вопросах его распоряжения, а с другой – ограничит сферу его использования лишь в соответствии с законодательно определенными целями.

С точки зрения права в каждом конкретном случае постмортальной репродукции выявляется необходимость установления истинного намерения лица, сдавшего генный материал. Хотя согласие на использование генного материала можно косвенно вывести из самого факта его сдачи, тем не менее, это не может иметь правового значения, как и не должны иметь правовое значение свидетельские показания родственников или близких умершего для установления его истинных намерений. Даже если умерший при жизни хотел ребенка, это не значит, что он бы хотел его после своей смерти.

В современном армянском законодательстве, как известно, для донации органов и тканей действует «презумпция согласия», что показывает общую направленность воли законодателя, и не исключено, что в будущем такая презумпция будет закреплена и для половых клеток, что, однако, неправильно. Это противоречит принципу информированного согласия, дает возможность реализации намерений иных лиц, зачастую противоречащих истинной воле умершего. Поэтому намерение должно быть воплощено в форму «биологического завещания», что не противоречит конструкции завещательного

распоряжения. Анализ зарубежного опыта по данному вопросу показывает, что установление истинного намерения лица о постмортальном донорстве генного материала и о посмертной репродукции является обязательным условием проведения соответствующего действия. Так, в законодательстве ряда стран, например, в Великобритании и Испании, закрепляется необходимость письменного согласия погибшего на постмортальную репродукцию, даже если половые клетки были сданы на хранение при жизни.

В начале 2016 года несколько депутатов Народного собрания РА выступили с инициативой создания банка спермы военнослужащих с целью обеспечения постмортальной репродукции. В качестве примера для «подражания» приводится опыт Израиля, где военнослужащие сдают сперму перед поездкой в «горячие точки» и где не только вдова, но и родители погибшего могут использовать генетический материал своего сына для оплодотворения суррогатной матери [4]. Вместе с тем такое регулирование превращает сдачу генного материала в обязанность военнослужащего, пусть даже установленную по вполне благим намерениям – продолжение «генофонда храбрых воинов». Такое решение противоречит правовому принципу автономии личности и не может быть приемлемо ни с правовой, ни с этической точек зрения. Кроме того, установление такой обязанности для военнослужащего возложит на само государство соответствующее обязательство в отношении рождения и дальнейшего содержания будущего ребенка. Следовательно, расширится спрос на суррогатное материнство, что обусловит появление новой профессии женщины, увеличится число детей, которые растут в неполных семьях или даже не имеют обоих родителей (нечасто юноши до 18 лет обзаводятся семьями), вырастит финансовое бремя государства. И это весьма не полный перечень потенциальных проблем при перенятии данного примера правового регулирования проблем. Курьезность ситуации и в том, что уже в начале 2016 года в постоянной комиссии по вопросам материнства, детства и здравоохранения Народного собрания РА рассматривался вопрос о необходимости установления запрета на возможность участия женщины в программах суррогатного материнства более чем два раза. Целью установления данного запрета является ограничение возможности превращения суррогатного материнства в промысел. Увеличение спроса и ограничение предложения приведут к ситуации, когда для осуществления постмортальной репродукции родственники умершего либо будут искать такую возможность за пределами Республики Армения, либо обратятся к незаконным методам осуществления, что ухудшит криминогенную ситуацию.

Развитие научных технологий позволяет осуществить несколько вариантов посмертной репродукции: использование криоконсервированной спермы (яйцеклетки), взятой еще при жизни человека, перенос ранее замороженного эмбриона, извлечение спермы умершего, возможное в течение 24–36 часов после смерти, и ее криоконсервация. Исходя из ограниченности временного промежутка, когда возможен забор генного материала, даже при признании этого материала имуществом и включением в наследственную массу, нужно указать, что невозможно будет исполнение воли умершего, так как хотя днем открытия завещания является день смерти наследодателя, однако из-за технических причин после открытия завещания может стать просто невозможным забор генного материала. На сегодняшний день нет разработанных методик либо эмпирических исследований, которые бы помогли определить, хотел умерший человек иметь ребенка или нет. Правовой проблемой является и совершение самой процедуры забора у трупа генного материала без получения от него указания на этот счет. Поэтому реализация посредством завещания возможна лишь по отношению к генному материалу, сданному при жизни. Так, Германия, Канада, Франция, Швеция запрещают изъятие гамет независимо от воли умершего на законодательном уровне. В 2010 г. в Бостоне врачами одного из госпиталей было отказано родственникам пациентки, страдавшей эмболией легких и находящейся в глубокой коме, в заборе ее генетического материала. Врачи аргументировали отказ отсутствием подтвержденного согласия пациентки на такую процедуру [4]. Поэтому для случаев

постмортального забора, как нам представляется, необходимо будет установить общий запрет на забор материалов.

Некоторые исследователи выдвигают необходимость учета при реализации постмортальной репродукции рисков и интересов пяти участников: умершего, супруги, будущего ребенка, специалиста-врача и общества [5; 6]. Поэтому правовая регламентация данной сферы общественных отношений должна устаналивать конкретные ситуации, когда будет допустима реализация постмортальной репродукции, с четко очерченными пределами и условиями реализации этого права.

Предоставление неограниченной возможности реализации права на постмортальную репродукцию может иметь весьма негативные последствия в социальном и этическом аспектах. Реализация постмортальной репродукции напрямую связана с вопросами благополучия ребенка, его самоидентичности, физического и психического здоровья. Отсутствие отца или матери в жизни ребенка всегда не лучшим образом влияет на благополучие и психическое здоровье ребенка. Нельзя исключить, что дети могут иметь сомнения в легитимности своего происхождения и своей социальной позиции в обществе. С социальной точки зрения эти дети – сироты с момента зачатия, в лучшем случае по одной линии. Рождение ребенка всегда предполагает решение обоих родителей, физически невозможно для одного из родителей принять решений относительно его права воспроизводить потомство. Кроме того, одностороннее решение о посмертном заборе и использовании генного материала умершего может иметь вполне эгоистические цели: например, таковыми могут быть обеспечение защищенной старости, избежание одиночества, получение финансовых выгод. Поэтому дозволение посмертного забора генного материала и его использования может иметь непредвиденные последствия, прежде всего, для ребенка.

Многие этические, правовые и социальные вопросы можно обойти, если связать возможность реализации постмортальной репродукции именно с конкретной персоной реципиента. Донация генного материала уникальна тем, что она переводит генную информацию из одного поколения в другую. Он сам по себе бессмысленен, пока не соединится с генным материалом противоположного пола. Так как репродуктивные решения чрезвычайно персонифицированы, крайне важно, чтобы умерший знал, кто будет реализовать после его смерти это право. Поэтому особое значение получает сторона-реципиент, то есть в биологическом завещании должна быть явно определена сторона, которая получит право на взятие и распоряжение генным материалом умершего. Вместе с тем эта сторона должна иметь право использования генного материала лишь для получения потомства. Должны быть законодательно запрещены его передача каким-либо образом другому лицу или использование для иных целей.

Кроме того, весьма значимо определение временного промежутка реализации постмортальной репродукции после смерти носителя генного материала, прежде всего, для наследственного права. Ограничение на распоряжение генным материалом после смерти носителя внесет своеобразную четкость в наследственное право, которое также претерпит в связи с этим радикальные изменения. Нам представляется, что возможность использования генного материала должна быть предоставлена в течении двух лет после смерти субъекта.

С учетом вышеизложенного, на наш взгляд, верным будет предусмотрение нормы, согласно которой биологическое завещание по постмортальной репродукции может быть исполнено в том случае, если до его составления или после его составления до факта смерти был оформлен брак в порядке, установленном законодательством РА, и супруг(а) выразил(а) желание стать биологическим родителем ребенка и взять в последующем на себя заботу и воспитание ребенка.

По нашему мнению также необходимо следующее:

1) в ст.132 Гражданского кодекса РФ указать нормы следующего содержания: «Органы, ткани и клетки человека, его эмбриона или плода при прижизненном или посмертном отделении от тела в случаях и пределах, указанных в законе».

2) ст.21 Гражданского кодекса дополнить следующим положением:

«Каждый человек, в том числе эмбрион и плод человека, имеет право на физическую целостность и неприкосновенность, которые могут быть нарушены с согласия лица или в установленных законом случаях с согласия его законного представителя в случаях и пределах, установленных законом, и в целях, не противоречащих общественной морали и нравственности.

При прижизненной эксплантации лицо имеет право владения, пользования и распоряжения отделенными от него клетками, тканями, органами и частями, а также анатомическим материалам своего эмбриона или плода и вправе заключать безвозмездные сделки в случаях и пределах, установленных законом, в медицинских, научных, учебных и иных целях, не противоречащих общественной нравственности и морали.

После своей смерти в форме завещательного распоряжения или возложения лицо имеет право распоряжения своим телом, тканями, органами, клетками в случаях и пределах, установленных законом, в медицинских, в том числе репродуктивных, научных, учебных и иных целях, не противоречащих общественной морали и нравственности».

ЛИТЕРАТУРА

1. Судо Ж. От оплодотворения in-vitro до клонирования. "Лучший мир" уже начался? [Электронный ресурс] / Жак Судо. – Режим доступа: http://www.kcn.ru/tat_ru/religion/catholic/invitro.htm.
2. White G.W. Commentary:legal and ethical aspects of sperm retrieval / G.W. White // J Law Med Ethics. – 1999. – 27:359-61.
3. Майфат А.В. Собственность на тело человека [Электронный ресурс] / А.В. Майфат. – Режим доступа: <http://www.urallaw.ru>.
4. Смагина Л. Новые репродуктивные технологии: мифы и реальность [Электронный ресурс] / Л. Смагина // PANAMEDICAL GROUP. – К., 2012. – Режим доступа: <http://www.the-medical-practice.com/survey/technologies/eko1>.
5. Shenfield F. Consent and intent in assisted reproduction / F. Shenfield // Law Med. – 2000. – № 3. – Р. 319.
6. Дахно Ф.В. Вспомогательные репродуктивные технологии и проблемы постмортальной (посмертной) репродукции [Электронный ресурс] / Ф.В. Дахно, А.О. Куценко // Жіночий лікар. – 2009. – № 2. – С. 15. – Режим доступа: <http://z-l.com.ua/ru/article/281>.

REFERENCES

1. Jacques Sudo (2015), "From in-vitro fertilization to cloning. Has "Better world" already begun?", available at: http://www.kcn.ru/tat_ru/religion/catholic/invitro.htm (access March 28, 2016).
2. White, G.W. (1999), "Commentary: legal and ethical aspects of sperm retrieval", J Law Med Ethics, 27:359-61.
3. Mayfat, A.V. "Ownership of human body", available at: <http://www.urallaw.ru> (access April 30, 2016).
4. Smagina, L. (2012), "New reproductive technologies: myths and reality", PANAMEDICAL GROUP, available at: <http://www.the-medical-practice.com/survey/technologies/eko1> (access April 30, 2016).
5. Shenfield, F. (2000), "Consent and intent in assisted reproduction", Law Med, no. 3, p.319.

6. Dakhno, F.V. and Kutsenko, A.O. (2009), “Assisted reproductive technologies and problems of postmortem (posthumous) reproduction”, *Zhinochiy likar*, no. 2, p. 15, available at: <http://z-1.com.ua/ru/article/281> (access October 03, 2015).

УДК 340.15.8 340.11.5

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА И МЕХАНИЗМ ПРАВОРЕАЛИЗАЦИИ

Мингела О.А., аспирант

*Донецкий национальный университет, г. Винница, ул. 600-летия, д. 21, Украина
evilprimarch@rambler.ru*

В статье рассматриваются вопросы правореализации как формы юридической практики и правореализационного механизма, предполагающего осуществление права как процесса. Уточняются составные части механизма правореализации в контексте поведения субъектов юридической практики. Определяется различие механизма правореализации и механизма правового регулирования.

Ключевые слова: юридическая практика, юридическая деятельность, правореализация, правореализационный механизм, правовая норма, мотивация, правосознание.

ЮРИДИЧНА ПРАКТИКА Й МЕХАНІЗМ РЕАЛІЗАЦІЇ ПРАВА

Мінгела О.А.

*Донецький національний університет, м. Вінниця, вул. 600-річчя, буд. 21, Україна
evilprimarch@rambler.ru*

У статті розглядаються питання реалізації права як форми юридичної практики й механізму реалізації права, що передбачає здійснення права як процесу. Уточнюються складові частини механізму реалізації права в контексті поведінки суб'єктів юридичної практики. Визначається відмінність механізму реалізації права та механізму правового регулювання.

Ключові слова: юридична практика, юридична діяльність, реалізація права, механізм реалізації права, правова норма, мотивація, правосвідомість.

LEGAL PRACTICE AND MECHANISM OF LAW ENFORCEMENT

Mingela O.A.

*Donetsk national university, str. 600-richya, 21, Vinnytsia, Ukraine
evilprimarch@rambler.ru*

This article features issues on exercise of the right as a form of legal practice and mechanism of right exercise, which presumes it as a process. Every subject of legal activity as an element of legal practice is inevitably involved in exercising process while abiding prohibitions, performing the duties, enjoying subjective rights or imperatively settling particular legal cases. Without enforcement of the right, legal practice is bound to be impossible, since it is always associated with the embodiment of relevant legal rules in real life which predefine solutions in the field of law.

A bountiful approach describes legal mechanism of enforcement of law as a complete set of unique instruments which are involved on regular basis in bringing the enforced rules into the working condition, trying to embody all of their content in the regulated public relations, achieving the intended legislative results. With some effort, these levers can be combined into several interconnected units which illustrate the general scheme (model) of law enforcement, forming its own mechanism and contributing to the normal functioning of legal system.

In comparison with the mechanism of legal regulation which includes, as widely known, according to one version, legal rules, legal facts, legal relations; or to the other one (more preferable): legal rules, subjective rights and legal responsibilities, acts of exercising of subjective rights and legal responsibilities, and as well as an optional element, acts of administration of law – mechanism of law enforcement appears to be a broader concept.